

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ОБНОВЛЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Алексей ГЛАДКИЙ

Отчуждение — не путь к обустройству

После публикации статьи А. Солженицына "Как нам обустроить Россию» прошло довольно много времени, и она достаточно широко обсуждалась в массовой печати. Однако ряд идей и утверждений автора, особенно в первой части статьи, касающейся национального вопроса, заслуживает обстоятельного разбора. Такой разбор тем более необходим, что межнациональные отношения в стране все более обостряются, и очень важно разобраться, что могут дать "посильные соображения" А. Солженицына в сложившейся ситуации.

Этому посвящена предлагаемая работа.

Наконец-то Александр Исаевич Солженицын нарушил молчание, которое хранил с тех пор, как в стране начались перемены. Его статью прочитали десятки миллионов людей, и его заслуженная слава заставляет внимательно к нему прислушиваться. Но при всем уважении к его дарованию и мужеству, при всем восхищении его подвигом приходится сказать, что политический мыслитель из него не получился, и появление статьи может только ухудшить положение. А его авторитет делает ее особенно опасной.

Конечно, очень многое в статье правильно, даже бесспорно. Это все, что сказано о бедственном положении страны и его виновниках; это и утверждения, что «независимого гражданина не может быть без частной собственности», что ни к чему такая гигантская армия и «всеокеанский флот», и еще многое другое. И не только то, о чем сейчас уже все говорят. Солженицын решительно ставит впереди всего нравственность, а у нас большинство еще воображает, что если навести порядок в политике и экономике, то нравственность приложится сама собой. И о самоограничении никто не вспоминает, а без него вообще невозможно человеческое общество. И с тем, что сказано о школе, о подготовке учителей — это моя профессия, — я полностью согласен. (Одно место — о железном занавесе, ограждавшем нас от хорошего и пропускавшем всякую гадость — чуть не дословно совпало с тем, что я писал год назад в книге, до сих пор не напечатанной.) Но рассуждения об отношениях между народами — не побоюсь резкого слова — просто безответственны. Возможно, Солженицын остерегся бы так писать, если бы мог видеть своими глазами, что здесь происходит.

Г л а д к и й А. В. — доктор физико-математических наук, профессор.

Семнадцать лет назад, когда Александра Исаевича привезли из тюрьмы на аэродром и отправили в изгнание, расстановка политических сил в стране казалась необыкновенно простой. С одной стороны стояла всемогущая партийно-государственная машина, с другой — ничтожная кучка «инакомыслящих». Противостояние чудовищу и сыпавшиеся на них удары делали их союзниками; их положительные программы большого интереса не вызывали, и мало кто придавал значение расхождению между их взглядами. Важно было то, что все они против начальства, остальное казалось второстепенным. А сейчас чудовище издыхает на глазах, и на свет Божий вышло множество течений, которые раньше текли под землей. Но как они ни многочисленны, в них ясно различимы два главных направления: демократическое и черносотенное, питающееся националистическими настроениями. Настроения эти имеют разные оттенки. Это может быть просто отчуждение от других народов: у нас свои проблемы, у вас свои, и нам все равно, как вы их решите и что с вами будет. Может быть неприязнь к «инородцам», особенно к тем, кто живут среди нас, и ревнивый надзор, как бы им не достался кусок жирнее, чем нам. А может быть стремление возложить на «чужих» вину за многие или даже все несчастья своего народа, в том числе те, которые и их самих затронули не меньше. И степень неприязни может быть разная: от едва заметного недружелюбия до призыва к погромам. Но оттенки и степени легко переходят друг в друга, и этим пользуются черносотенные идеологи, чья специальность — культивировать и подогревать националистические настроения. Что из этого может выйти — надо ли объяснять после Сумгаита и Баку, Ферганы и Оша? Сейчас самая страшная безответственность — способствовать росту националистических настроений или закрывать на них глаза, делать вид, что их нет или в них нет ничего особенно плохого. Между тем среди многих народов Советского Союза — теперь уже, в сущности, бывшего — эти настроения в последнее время усилились, и у них часто находятся свои черносотенные идеологи. Если в каком-нибудь народе их пропаганда имеет успех, это ужасная опасность не только для его соседей и живущих среди него «инородцев», но и для него самого, даже если он сильнее, — потому что всюду, где побеждает крайний национализм, устанавливается деспотическое правление. В русском народе эта пропаганда никогда до сих пор большого успеха не имела, но сейчас она ведется с немалым размахом, и потому опасность велика. А откуда этот размах? Тут сомнений нет. Возможен он только потому, что наших «патриотов» потихоньку поддерживает партийно-государственная бюрократия или во всяком случае весьма значительная и влиятельная ее часть, которая давно уже полуофициально включила национализм в свою идеологию. Недаром «Память» открыто действовала и проводила собрания — часто в помещениях, предоставленных партийными организациями — еще тогда, когда всякая другая «неформальная» общественная деятельность пресекалась властями в зародыше. «Спецназы», жестоко разгонявшие и разгоняющие несанкционированные митинги под самыми безобидными лозунгами, ни разу не тронули пальцем «памятников» с их человеконенавистническими призывами. Даже после дебоша с рукоприкладством к суду привлекли только одного хулигана, и его единомышленники безнаказанно пользуются судебными заседаниями для пропаганды, которая по закону должна была тоже повлечь за собой уголовную ответственность. Все это неудивительно: сотрудники карательных органов тоталитарной системы видят в «памятниках» родственные души. Один мой знакомый, осужденный в свое время по ст. 191, рассказывал, что с ним регулярно беседовал майор КГБ, внушавший ему примерно следующее: «Это все евреи мутят воду, а вы русский человек, зачем это вам?». А через несколько лет «памятники» пытались завербовать его в свои

ряды и прислали ему кучу пропагандистских материалов, в которых почти дословно повторялись все аргументы майора. Так что здесь, возможно, не простое родство душ, но куда более тесная связь.

А «патриотические» журналы — «Молодая гвардия», «Наш современник»? Они издавались и издаются под прямой опекой и при материальной поддержке партийных органов. Если внимательно прочитать, допустим, в 6-м номере «Нашего современника» за 1989 г. статью «Палка о двух концах» члена редколлегии этого журнала С. Куняева, четыре номера спустя ставшего главным редактором, то легко увидеть, что это типичное произведение партийного чиновника, служащего по ведомству идеологии. Пытаясь оправдать государственный антисемитизм, он исходит из аксиомы, что наше родное государство есть воплощение мудрости и доброты. Кроме того, он уверен, что читатель тоже не посмеет в этом усомниться и потому примет любое объяснение очевидно глупых и злых действий государства, так что о правдоподобии можно не заботиться. И вот что получается: «... у государства есть свой инстинкт самосохранения, и народ... отвергает обязанность вечно работать на выращивание интеллектуалов и «специалистов», которые, не ощущая патриотического долга перед обществом, утекают за границу вместе со своим образовательным потенциалом. Именно из-за инстинкта самосохранения, а не из-за «антисемитизма» возникли в 70-е годы как реакция на массовые отъезды некоторые ограничения для поступления в вузы, на засекреченные предприятия, в органы власти». Разумеется, Куняев прекрасно знает, что все эти «некоторые ограничения» (касавшиеся и очень многих вовсе не засекреченных мест работы) появились не в 70-е, а в 40-е годы, когда никому еще и в голову не приходило, что могут начаться когда-нибудь массовые отъезды. Кроме того, было еще подавление национальной культуры и многое другое, о чем Куняев молчит (и все это стало главной причиной массовых отъездов). Еще он берется защищать также знаменитый принцип, рожденный в отделах кадров (а это, как все знают, филиалы «органов»), по которому процент людей из национального меньшинства на престижных должностях не должен быть выше, чем среди всего населения, и то же должно относиться к творческой интеллигенции (ведь по гебистским понятиям писатель или ученый — тоже должности). И тут он ссылается на авторитет высокопоставленного партийного начальника — тогдашнего первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Р. Нишанова, заявившего в интервью «Правде»: «Сейчас таджики составляют около четырех процентов населения нашей республики. Примерно столько же их в составе руководящих работников республики. Мы добиваемся, чтобы этот состав в целом отражал национальную структуру республики...». Куняеву это очень нравится, он говорит, что такой подход «необходим и понятен каждому простому человеку». (А я, когда это прочел, сразу вспомнил, как на первом Съезде народных депутатов Нишанова спросили, почему в Узбекистане многие таджики записаны узбеками, и он ответил: это же никакого значения не имеет, пустяк, легко исправить.)

Черносотенная идеология — естественная наследница сталинистской. Как писал недавно А. Михник: «В каждой посткоммунистической стране есть своя черная сотня, мировоззрение которой так же просто и ясно, как то, которое навязывали обществу коммунистические вожди. Именно поэтому это мировоззрение так легко завоевывает умы людей, которые присутствуют при конце казавшихся вечными коммунистических догм»¹.

Но какое отношение имеет все это к статье Солженицына? Самое пря-

---

¹ М и х н и к Адам. Национализм — спящее чудовище. «Балтийское время», № 36 (90), 18 сентября 1990.

мое. Сейчас, когда вышла наружу боль угнетенных народов, нельзя всерьез говорить про обустройство России и при этом молчать о черносотенной опасности. Потому что всякое усиление среди русских враждебности или пренебрежения к «инородцам» сразу же отзовется усилением вражды к русским среди всех других народов распадающейся империи. Это может вызвать цепную реакцию, и вместо обустройства выйдет самоубийство. Поэтому любой план обустройства только тогда может быть реальным, когда он предполагает неприятие всякого черносотенства у всех народов и включает в себя борьбу с любыми попытками усилить национальную вражду. И если автор плана русский, то прежде всего он должен отмежеваться именно от русских черносотенцев и шовинистов, от всевозможных Куняевых. Но Александр Исаевич этого не делает; да ведь и сам он печатается в «Нашем современнике». Так уж не одних ли он взглядов с его главным редактором? Хотя бы в известной степени? А степени ведь легко переходят друг в друга — об этом я уже говорил.

И это, увы, не напрасное подозрение: оно подтверждается содержанием статьи. В начале, правда, автор отмежевывается от тех, кто заботится о престиже «нации», от «единонеделимцев», и решительно заявляет: империю сохранять не надо, кто хочет отделиться — пусть отделяется. Тут возразить нечего, но плохо, что обосновывает он это только интересами самой России: империя для нее — лишний груз. Правда и это, но ведь отпустить «окраины» на волю требует прежде всего простая справедливость: почти все они были завоеваны силой и силой же удерживались в империи. Четыре республики — Узбекистан, Таджикистан, Туркмению, Киргизию — он пренебрежительно называет «среднеазиатским подбрюшьем» и призывает «избавиться» от их «давящего груза». Это значит: пусть сами свою среднеазиатскую кашу расхлебывают, нам дай Бог нашу российскую расхлевать. А если живущие там русские захотят уехать — устроим их в России за счет средств, идущих сейчас на армию, на помощь Кубе, Анголе и т. п. Вот и все. И ни слова сочувствия народам, доведенным колониальной эксплуатацией до последней степени нищеты и разорения. Их земля истощена монокультурой хлопка и отравлена ядами, их дети с семи лет, как самые настоящие рабы, гнут спины на плантациях. Вдобавок они чувствуют себя униженными из-за того, что подавляют их культуру, их религию, заставляют перенимать чужие обычаи. И все это сделала московская власть. То, что делала она это руками местных сатрапов вроде Рашидова, ничего не меняет: Рашидовы назначались Москвой, действовали по ее указаниям и существовали только благодаря тому, что всегда были наготове ее войска. Разумеется, нельзя возлагать вину за это на русский народ. Но никуда не уйти от факта, что среднеазиатские народы страдают от последствий двойного завоевания Россией — сначала царской, потом советской. И теперь обновляющаяся Россия должна хотя бы выразить им сожаление и постараться как-то помочь — хоть символически, хоть морально, если уж нет сил на большее. И кроме того: за сто с лишним лет между Россией и Средней Азией установились многообразные связи, их нельзя разрубить одним махом — слишком болезненно это было бы для обеих сторон. И если среднеазиатские республики захотят отделиться, то нужно постараться, чтобы они сохранили как можно больше хозяйственных, культурных, личных связей с Россией и стали ее союзниками, а не врагами. Но этого нельзя будет добиться, если в России отношение к ним будет такое, как сквозит в статье Солженицына: отчужденно-равнодушное, подразумевающее: «Проваливайте поскорее, и без вас тошно!». Мало того: он позволяет себе повторить, пусть как бы с сомнением («а если верно...»), бессмысленное утверждение, будто «Россия эти десятилетия отдавала свои жизненные соки республикам» — перевод на язык советского обывателя официальной пропаган-

дистской лжи о «бескорыстной помощи старшего брата». Такое отношение вызовет ответную реакцию, напряжение будет усиливаться, и, если дойдет до взрыва, то понятно, кто больше всех пострадает: русские в Средней Азии. А их в одном Узбекистане почти два миллиона.

Но дальше еще хуже. Одиннадцать крепостных народов Солженицын готов отпустить на волю с землей, а о двенадцатом — казахском — думает, что прежний барин нарезал ему земли слишком много, «не по справедливости». Казахам в Казахстане меньше половины — значит, надо половину земли у них отрезать, а там пусть уходят, если хотят. Но как можно было, говоря об этом, не вспомнить, что половина казахского народа была попросту уничтожена сталинской, то есть опять-таки московской властью? А главное: Александру Исаевичу не пришло в голову хотя бы для приличия сказать, что и казахам тоже стоит спросить или попытаться их убедить. К украинцам и белорусам у него все-таки отдельное «слово», и к малым народам тоже, а к казахам никакого слова нет, он говорит «о Казахстане», обращаясь, очевидно, к русским. Неудивительно, что многие казахи сочли это оскорблением, и в Казахстане были уже демонстрации протеста. И кто знает, как еще отзовется это неосторожное слово одного из самых уважаемых людей России?

Я не берусь судить, насколько справедливы границы Казахстана, установленные когда-то той же московской властью, которая, конечно, не думала ни о какой самостоятельности и тем более об отделении Казахстана и для которой все внутренние границы были просто формальностью. Но многие формальности со временем приобретают реальное значение — в последние годы мы особенно часто в этом убеждались. Нынешние границы Казахстана — это реальность, такая же, как и то, что там живут множество русских, украинцев, немцев и других, поселенных той же деспотической властью, которая устанавливала границу. А с реальностями приходится считаться. Было бы безумием выгонять из Казахстана русских и других неказахов, и как бы ни устроился Казахстан, они должны пользоваться там такими же правами, как казахи. Но и с границами надо обращаться с превеликой осторожностью. Изменение границы между двумя государствами и даже частями федерации — всегда очень трудное и часто очень опасное дело. (Попробовал бы кто-нибудь в Швейцарии отхватить кусок какого-нибудь кантона и присоединить к соседнему!)

Вообще практические советы Александра Исаевича поразительно непрактичны. Он, похоже, совсем не задумывается, кто мог бы осуществить то, что он предлагает, у кого хватило бы на это сил. Будь это прежнее время, все было бы просто: если бы кому-то удалось уговорить Политбюро отрезать пол-Казахстана, Верховный Совет республики незамедлительно и единогласно принял бы нужное решение «по многочисленным просьбам трудящихся». Но сейчас это не легче, чем отрезать пол-Луны и отбуксировать к Земле для размещения избыточного населения.

Так же бесполезны попытки убедить украинцев и белорусов, что они просто русские и их земли должны быть неотъемлемой частью России. С какой стати им безоговорочно полагаться на милость московского дяди, который сегодня, допустим, разрешит им пользоваться своими «наречиями», а завтра запретит, и никто ему не указ? Вот ведь и сам Александр Исаевич, хоть и осуждает запрещение украинского языка царским правительством, тут же с высокомерной враждебностью говорит об «украинском ненародном языке», выращенном «в отторгнутой Галиции» (почему «отторгнутой»? Разве до 1939 г. она входила когда-нибудь в состав российского государства?) и «нашпигованном немецкими и польскими словами». Если такое мнение возобладает среди законодателей России, включающей в себя Украину и Белоруссию, они вполне могут сказать: переходите-ка, братцы, с сего числа на наш народный русский язык, раз уж все мы русские.

В сущности, Солженицын ставит под сомнение не только право украинцев и белорусов на свою государственность, но и само существование украинской и белорусской наций. (Недаром он ничего не говорит даже об автономии для них, как для других народов, остающихся в составе России.) А это оскорбительно для украинцев и белорусов, раз они осознают себя нациями. Насколько закономерно это осознание — вопрос, не имеющий* смысла. Аргументы, основанные на родстве языков или общности исторической судьбы («Мы все вместе истекли из драгоценного Киева», «Одни и те же князья правили нами»), в таких вопросах ничего не стоят. Если кто-нибудь начал бы сейчас убеждать норвежцев, что они на самом деле датчане: те и другие род свой ведут от викингов, и правили ими много столетий одни и те же короли, и языки близко родственные — что сказали бы норвежцы? Посмеялись бы, и все.

Больше того: бывает ведь, что люди говорят на одном языке, но ощущают себя разными народами и имеют отдельные государства. Австрийцы говорят по-немецки, но считают себя особым народом и превосходно чувствуют себя в независимой Австрийской Республике. Потомки англичан переселившихся за океан, двести с лишним лет назад, добились независимости, и давно уже никому не приходит в голову называть их англичанами, хотя они по-прежнему говорят по-английски. А теперь и соседняя с ними Канада — независимое государство, и не слышно, чтобы кто-нибудь хотел «воссоединить» ее с Соединенными Штатами, хотя и там большинство населения — «англофоны». Всякий, кто не забыл географию, вспомнит еще много таких примеров.

И в нашей Сибири были серьезные люди, желавшие ее независимости. Для этого были основания: Сибирь, никогда не знавшая крепостного права, отличалась укладом жизни от остальной России; там был силен дух предприимчивости, в ее развитии было немало сходного с Северной Америкой. История распорядилась иначе, но если бы бело-зеленому знамени сибирских областников (сейчас его снова можно увидеть на улицах тамошних городов) суждено было стать государственным флагом, то, может быть, вместо нищей колонии, загаженной ГУЛАГ'ом, были бы сейчас к востоку от Урала свободные и процветающие Соединенные Штаты Сибири, а от этого выиграла бы и Россия к западу от Урала.

Я вовсе не хочу сказать, что Украине и Белоруссии непременно нужно отделиться. Это решать им самим. Но рост национального самосознания украинцев и белорусов — несомненный факт, с которым нельзя не считаться, и никто, кроме новой жестокой тирании, не смог бы теперь помешать Украине и Белоруссии стать самостоятельными по меньшей мере в решении их внутренних дел. Бесплезно этому мешать, лучше подумать — как способствовать тому, чтобы там не пришли к власти крайние националисты и насаждение русского языка не сменилось гонениями на него. Но трудно придумать лучший способ настроить украинцев и белорусов против русских, чем попытка убедить их, что они и сами русские. И по отношению к малым народам в России Солженицын допускает бестактность, утверждая, что «справедлива нынешняя иерархия: «союзных республик — автономных республик — автономных областей — и национальных округов». (Национальные округа с 1977 г. называются «автономными округами».) Для них эта иерархия означает оскорбительное деление на народы первого, второго, третьего и четвертого сорта. И незачем бояться, что ее отмена приведет к хаосу: малые народы не станут выдвигать слишком больших претензий, а если бы и стали — это не опасно именно потому, что они малые. Конечно, если бы не были разрушены традиционные формы их общественной жизни и хозяйства, их традиционный быт, если бы не подавлялось свободное развитие их культуры, если бы их не подвергали насильственной русификации (кстати,

в соответствии с иерархией: чем ниже ранг, тем, как правило, русификация сильнее),— если бы всего этого не было, то они вряд ли заботились бы сейчас о провозглашении суверенитета. А при нынешнем положении они не видят другого выхода, не желая больше полагаться на милость «старшего брата». И к этому надо отнестись с пониманием, а не читать им нотации о недопустимости пренебрежения «численным весом народа», которым и так никому не позволит пренебречь сама жизнь. Зачем же продолжать советскую традицию хлопотать не о том, как бы сильный не обидел слабого, а как бы слабый не обидел сильного?

И совсем уж неудачно получилось с крымскими татарами. Исключительного права на владение Крымом они не требуют, только автономии, означающей владение совместно с другими, живущими там. И не «стотысячный» это народ: согласно изданному в 1988 г. справочнику «Народы мира» их в четыре раза больше. А было бы, наверное, еще вдвое больше, если бы не сталинский геноцид, о котором Солженицын почему-то не упомянул. Напоминать им в наставительном тоне об их малочисленности, не вспоминая о геноциде,— это, мягко говоря, не совсем хорошо. Но еще хуже, пожалуй, фраза о «вместительности». Как бы нам с Вами понравилось, Александр Исаевич, если бы в Китае кто-нибудь сказал: «При плотности населения XXI века Сибирь вместительна для одного-двух миллиардов, и русские вместе с якутами, эвенками и прочими не могут требовать себе владения ею»? Да и вся Россия, может быть, «вместительнее», чем нам кажется? Что-то похожее мы в свое время слышали.

Посмотрите: немцы в канун долгожданного объединения говорили, что радость омрачена виной перед евреями. Недавно в Израиль приезжала делегация латышей, чтобы принести извинения за участие ничтожного числа их соотечественников в геноциде. А мы все никак не догадаемся попросить прощения у татар, зато догадались уже сказать им: так и быть, отведем вам угол в отобранном у вас доме, не вздумайте только вообразить себя хозяевами!

Итак: с великим сожалением приходится сказать, что как ни старается Александр Исаевич подчеркнуть свое уважение к каждому народу как «неповторимой грани Божьего замысла», истинная его позиция — отчуждение от других народов и часто высокомерие по отношению к ним. А такая позиция ни одному народу, в том числе и русскому, ничего доброго не сулит.

Что еще нужно к этому добавить? Я говорил уже о непрактичности практических советов. Но об одном ее проявлении надо сказать особо. Говоря об органах власти будущей России, которая, по мысли Солженицына, должна составиться из нынешних РСФСР, УССР и БССР, он молчаливо предполагает, что первое время эту роль будут играть теперешние союзные органы, а что делать с республиканскими — ничего не говорит, как будто их нет. Это можно было бы еще понять прежде, когда республиканские органы власти на самом деле почти никакой власти не имели, а в РСФСР самых важных из них не было вовсе. Но сейчас республиканские «структуры», как принято теперь говорить, становятся все* более независимыми, а союзные быстро теряют власть и авторитет. Вот и законодательный орган РСФСР, собравшийся накануне того месяца, которым помечена статья Солженицына, повел себя более независимо и более решительно, чем мог предположить кто бы то ни было. И сейчас строить планы обустройства России, в которых это не учитывается,— значит уже не только украинцев и белорусов, но и русских не принимать всерьез.

О второй части статьи, где речь идет о более отдаленном будущем, я скажу лишь коротко. Солженицыну не нравится парламентская демокра-

тия. Что ж, это действительно несовершенная система, у нее много серьезных недостатков. Но многим странам она давно уже обеспечивает порядок и даже процветание, и стран, где она успешно работает, становится все больше. А какую систему предлагает Александр Исаевич? Главной властью в государстве, по его мысли, должен быть президент, который «по своему усмотрению» назначает министров, и смещать их тоже никто, кроме него, не может. Существуют также Всеземское собрание и Соборная Дума, но при таком порядке они не могут иметь влияния на исполнительную власть, так что полномочия президента оказываются практически неограниченными. Президент избирается из числа кандидатов, предложенных Всеземским собранием, сроком на 5 или 7 лет; однако по истечении этого срока новые президентские выборы проводятся лишь в случае, если их сочтет нужными то же Всеземское собрание. Но туда посылают своих представителей не сами граждане, а областные собрания. Эти последние состоят, в свою очередь, из представителей уездных собраний, а те — из представителей волостных. При такой системе члены Всеземского собрания будут полностью избавлены от необходимости считаться с мнением рядовых граждан. Зато им придется очень сильно считаться с мнением всемогущего президента, и в его распоряжении будет множество способов убедить или принудить их голосовать так, как ему желательно. Я не знаю, существовал ли когда-либо подобный порядок переизбрания главы государства, но в советских высших учебных заведениях действует очень похожий порядок переизбрания ректора: по истечении срока он отчитывается о своей работе перед «расширенным ученым советом», и если совет сочтет работу удовлетворительной, он продляет полномочия ректора на следующий срок. Как вузовский работник с большим стажем я могу засвидетельствовать, что этот порядок обеспечивает фактическую несменяемость ректора (для чего он, несомненно, и был введен). Несменяемым будет и президент при системе, предлагаемой Солженицыным. Мало того: после смерти президента его пост с большой вероятностью перейдет к подобранному им же вице-президенту. Получается не демократия, не республика (недаром этого последнего слова Солженицын упорно избегает), а монархия с крайне ограниченными в своих функциях представительными учреждениями, но без всего того, что в старых европейских монархиях, не исключая и тех, которые называют абсолютными, служило противовесом произволу государя: без аристократии, без дворянства и других сословий с их вековыми преданиями и привычкой к взаимной вырубке, без традиционных представлений о благородстве, чести и достоинстве монарха. («Сословия», о которых пишет Александр Исаевич, не имеют с настоящими сословиями ничего общего, кроме произвольно данного имени. Различия в роде занятий имели первостепенное значение тогда, когда занятия наследовались и освящались традицией. А при нынешнем смешении всех и вся родители и дети, братья и сестры, мужья и жены чаще окажутся в разных «сословиях», чем в одном.) Такая монархия без традиционных общественных институтов, без обязательной передачи престола по наследству и без монархической терминологии — явление уже не новое. В XX в. она не раз устанавливалась в разных странах, и всякий раз она оказывалась не чем иным, как диктатурой фашистского типа. Несменяемыми президентами были Адольф Гитлер, Альфредо Стреснер, Франсуа Дювалье, пожизненным главой государства был Франсиско Франко, а совсем недавно был «избран» пожизненным президентом Саддам Хусейн., Так что не дай Бог осуществиться той «идиллии», которую с самыми лучшими намерениями предлагает Александр Исаевич. Да и вообще, наш опыт должен уже научить нас быть поосторожнее с придуманными системами, как бы превосходно ни выглядели они на бумаге. И еще хочется исправить одну частную ошибку. Ссылаясь на классика

исторической мысли А. Токвиля, Солженицын пишет» что он «считал понятия демократии и свободы — противоположными» и «пришел к выводу, что демократия — это господство посредственности». Но Токвиль употреблял слово «демократия» не в общепринятом смысле. «Демократическим народом» он называл такой народ, в котором господствует равенство общественных состояний, нет высших и низших сословий. Это не обязательно ведет к народовластию — демократии в обычном смысле: «... когда равенство водворяется у народа, который никогда не знал или давно уже не знает свободы, то ... государство сразу достигает крайних пределов своей силы, тогда как частные лица так же быстро доходят до последней степени бессилия»². Без этого разъяснения мысль Токвиля оказывается искаженной.

В заключение хочу сказать: разумеется, мои расхождения с Солженицыным не мешают мне чувствовать ту глубокую боль за Россию и то страстное желание помочь ей выйти из беды, которыми проникнута его статья. И все мы — все, кто искренне разделяет эту боль и это страстное желание — должны быть союзниками, а не врагами, иначе с бедой не справиться. И не только русские, и даже не только те, кто видит свое будущее в России. Если в ней не будет достойной человека жизни, то не будет ее и у соседей, да и в дальних странах вряд ли она надолго сохранится в наше время всемирных связей. Хватит уже с нас праведного гнева, хватит взаимного отчуждения. Без споров не обойтись, но давайте научимся не видеть в оппоненте врага, не настаивать на своих ошибках и думать, прежде чем скажем слово: чего после него станет больше, любви или ненависти?

Сентябрь 1990 г.

² А. де Токвиль. О демократии в Америке. М., Издание магазина «Книжное дело», 1897, с. 547.